

Варвара Юртаева

Последние короли



Варвара Юртаева

Последние короли

<https://litres.ru/74455359>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семья Тейлор оказывается в центре совсем не радостных событий. Загадочная гибель их отца заставляет их поселиться в лесу и на время забыть о своем прошлом. Но однажды оно возвращается.

Варвара Юртаева

Последние короли

Глава 1,

Гвендолин проснулась от того, что свеча на её ночном столике вздрогнула в медном подсвечнике. За дверью топали десятки ног.

— Где миссис Харрис? Ради Бога, быстрее! — закричал кто-то и тут же раздался звон разбитого кувшина.

Девочка сидела в кровати, вцепившись в край шерстяного одеяла.

— Рональд, — прошептала она, свешиваясь с кровати и толкая брата в плечо. — Рональд, вставай!

Её брат спал сном праведника — раскинув руки, зарывшись лицом в подушку. Гвендолин пришлось уцепиться за ухо, чтобы он подскочил, как ошпаренный.

— Что?! Пожар?.. Воры?..

— Тише! — она зажала ему рот ладонью. — Слушай.

Они замерли, прижавшись ушами к дубовой двери. За ней голоса звучали приглушённо, но отчётливо.

— ...не понимаю, почему так долго, — говорила одна из служанок. — Ей же всего двадцать, она молодая...

— Молодость тут ни при чём Молли, — ответила ей

Бриджет, старая гувернантка, чей голос был сух, как осенний лист. — Она слишком долго ждала этого дитя.

Говорят, кто долго ждёт — тот с нечистым торгуется.

— Бриджет! — ахнула Молли. — Вы что такое говорите?!

— Я ничего не говорю. Я повторяю то, что говорят в деревне. Мол, леди Тейлор так долго не могла зачать, что пришлось обращаться к чёрным силам. И что дитя это — не от Господа...

— Замолчите! — вдруг осадила их кухарка. — Леди Лейн хоть и молода, но к чёрным ведьмам и носу не показала.

Не такая она дура, чтобы с дьяволом знаться. А вы, леди, язык свой придержали, а то Бог вас за такие речи накажет. Шаги стихли, и коридор опустел.

Рональд выдохнул.

— Идём, — сказал он.

— Куда? — Гвендолин побледнела. — Нас увидят! Отец будет в ярости!

— Мы просто посмотрим одним глазком, — Рональд уже открывал дверь, и в щель потянуло запахом воска, ладана и чего-то металлического, острого. — Я хочу знать, что происходит.

Они крались по коридору — босые, в ночных рубашках, сливаясь с тенями. Рональд вёл сестру не по парадной лестнице, а через узкий проход для прислуги, где висели старые гобелены с выцветшими рыцарями и пахло мышиным помётом.

Они замерли за углом, и проползли под огромным дубовым столом, который стоял в коридоре прямо напротив дверей родительской спальни. Стол был накрыт тяжёлой бархатной скатертью, свисавшей до самого пола. Отсюда была видна спальня — дверь приоткрыта, и сквозь щель лился тёплый свет сотен свечей. Гвендолин вжалась в брата, чувствуя, как он дрожит — или это дрожит она? — и прикусила губу, чтобы не издать ни единого звука.

Робин Тейлор сидел на краю кровати жены, и вид у него был такой, будто он сам переживает страшные муки. Его обычно невозмутимое лицо было искажено гримасой страха.

— Дети... — прошептала Лейн, пока у нее не сорвался голос

. — Они спят?...

— Спят, любовь моя, — ответил Робин, и голос его дрогнул.

— Тебе не о чем беспокоится, я все уладил.

Она погладила его волосы — осторожно, с любовью. Он вжался в ее ладонь своей пылающей щекой и замер на мгновение.

Лейн долго и тяжело дышала, а затем спальню разорвал крик.

Робин вскочил, его лицо было белым, как простыни. Он кричал что-то, но слов было не разобрать. Вокруг кровати

собрались слуги, полностью закрывая ее от лишних глаз. Гвендолин закрыла уши руками и зажмурилась. Рональд обнял её, но ему казалось, что он больше успокаивает себя, чем ее.

А потом всё стихло.

Не постепенно, не с затихающими звуками — а мгновенно,

как если бы кто-то перерезал струну. Суэта замерла.

Голоса умолкли. Повисла тишина, страшная и зловещая.

Гвендолин открыла глаза.

Она увидела, как отец упал на колени возле кровати. Его плечи затряслись, он склонился к волосам супруги и из его груди вырвался отчаянный вопль. Ещё один страшный крик, разрушивший покой поместья.

Дверь спальни захлопнулась с глухим стуком. Кто-то из слуг закрыл ее. Рональд сидел под столом, обнимая сестру, и смотрел на закрытую дверь пустыми глазами. Он не плакал, но знал — как раньше уже точно никогда не будет.

Через мгновение из спальни раздался новый звук — слабый, тонкий, похожий на писк. Крик новорождённого. — Девочка... — долетел до них шепот служанок. — Это девочка, несомненно... Девочка!

Гвендолин вздрогнула. Она вдруг поняла страшную вещь, что никогда не сможет полюбить эту девочку. Никогда в жизни. Ни за что.

Глава 2

Солнце стояло высоко, заливая столовую золотым светом. Гвендолин сидела за столом с прямой спиной, аккуратно нарезая мясо. Рональд с тоской поглядывал в окно, где ветер шевелил кроны дубов и о чем то напряжённо размышлял.

— Отец, — наконец сказал он, откладывая нож. — Можно

я

пойду прогуляюсь?

Робин Тейлор поднял взгляд от бумаг. Он устало улыбнулся сыну:

— До обеда, Рональд. И без глупостей. После обеда у тебя урок фехтования.

Рональд уже поднялся, когда дверь распахнулась, и в столовую вплыла Рене.

Она была похожа на фарфоровую куклу, которую только сняли с полки. Платье — розовое, с кружевами, пышное, как облако. Темные кудри падали на плечи, перехваченные шёлковой лентой. За ней шли две гувернантки, как два надзирателя, и служанка, которая несла подушку с мистером Роем — старым, потрёпанным зайцем в голубой курточке.

— Ах вот где моя принцесса! — лорд Тейлор развернулся на стуле, отвлекаясь от документов. — Ангел мой... Ну,

подойди же...

Рене сделала реверанс — неуклюжий, старательный, от которого юбки взметнулись, открывая кружевные панталончики.

Гвендолин сжала вилку так, что побелели костяшки. Она опустила взгляд в тарелку и заставила себя улыбнуться — той самой вежливой улыбкой, за которой ничего не было. Одна из гувернанток, мисс Эллис, наклонилась к Робину: — Милорд, я вынуждена сказать... Рене совсем ничего не ест. Уже третью неделю она отказывается от завтрака. Робин тут же нахмурился. Гвендолин заметила, как его лицо побледнело.

— Пошлите за врачом.

Но Рене тут же замахала руками:

— Нет-нет-нет! Просто... просто когда мне приносят завтрак, они всегда забывают про мистера Роя!

Она протянула руку, и одна из служанок подала ей зайца.

У

него было истрепано пальтишко, а глаз был вышит криво, но Рене прижимала его к груди, как величайшее сокровище.

— Мистер Рой тоже голоден, — заявила она с важным видом. — Если он не ест, то и я не буду.

Робин рассмеялся.

— Завтрак подаётся мистеру Рою наравне с моей дочерью, — сказал он слугам. — А теперь, извольте его принести.

Рене торжественно усадила зайца на соседний стул, и приступила к трапезе.

Рональд, который смотрел на эту сцену с лёгкой насмешкой, уже был у дверей.

— Я скоро, — махнул он отцу и выскользнул в коридор. Он встретил Ланселота у старого дуба, что рос на границе поместья. Друг сидел на корточках у ручья и смотрел, как водомерки скользят по воде.

— Ты сегодня рано, — сказал Ланселот, не оборачиваясь.

— Отец отпустил до обеда. — Рональд упал на траву ря-

дом

и зажмурился на солнце. — Надо пользоваться, пока есть возможность.

Ланселот усмехнулся. Он был худ, как жердь, одет в потёртый камзол с чужого плеча, и руки его были в мозолях. Жизнь не баловала его, но Рональд знал — этот парень способен выжить там, где другие пали бы на первом шагу.

— У меня дома пусто, — сказал Ланселот равнодушно, но Рональд услышал в голосе друга голод. — Мать отдала последнюю краюху брату. Я не хочу есть их паёк.

Его глаза неожиданно загорелись.

— Пошли, возьмём груш. У старого Хью их вон сколько, а он сам не съест.

— Ты с ума сошёл? — Рональд подскочил. — Просто так взять? Я пойду по-другому, ты как хочешь.

Рональд встал, отряхнул штаны и направился к калитке соседского дома. Ланселот зашипел на него, но Рональд лишь махнул рукой. Он вошёл во двор и громко постучал

дверь.

— Дурак! — простонал Ланселот, который уже перемах-

нул через забор и застыл с веткой груш в руках. — Так не делают!

Дверь открылась. На пороге стоял старый Хью — морщинистый, как печёное яблоко, но крепкий, с розо-

вым носом и клочковатыми бровями. Он уставился на Рональда, потом перевёл взгляд на забор, где Ланселот уже застыл с грушами в руках.

— Ах вы, щенки! — загремел Хью. — Так вот кто мои посеы разворовывает!

Рональд быстро отбежал подальше, но Ланселот не успел перелезть через забор. Хью схватил его за ухо, выдрал с корнем растущую вдоль забора крапиву и начал стегать его, не давая скрыться с места преступления.

После нескольких ударов, когда стебель превратился в веник, он отбросил его, в самого Ланселот вытолкнул за ворота.

— Чтoб я тебя здесь больше не видел!

Ланселот сполз на землю, потирая обожжённые места.

— Ты ненормальный, — сказал он беззлобно. — Но... груши у нас есть.

Рональд опустил голову.

— Извини. Я не знал, что до этого дойдет.

— К чему мне твои извинения, — пробормотал Ланселот.

У нас в деревне это обычное дело. Это к вам, лордам, отношение особенное, а мы что собаки здесь. Ладно, что языком чесать, идём.

Глава 3

Рональд вернулся в поместье, когда солнце уже клонилось к закату. Он тихо прошёл в свою комнату и упал на кровать, уставившись в потолок. Ланселот всегда казался ему свободнее, чем он сам.

В дверь постучали, и к нему, не дожидаясь ответа, вошла Гвендолин.

— Ты опоздал к обеду, — сказала она, скрестив руки на груди.

— Спасибо, мамочка, — буркнул Рональд, не поворачивая головы.

Она прошла к кровати и села на край.

— Что-то случилось? — спросила она тише. — Ты ка-

кой-то...

потерянный.

— Всё в порядке, — отрезал он. — Просто устал.

Она хотела возразить, но в коридоре послышался шум, и Гвендолин встала.

— Что это?

Они вышли в коридор и увидели служанок, которые сустились вокруг Рене. Девочка сидела на полу и ревела, прижимая к груди окровавленный палец. Робин влетел на лестницу и поднял дочь на руки.

— Что случилось? — спросил он строго.

Служанка запнулась.

— Простите, лорд... Она хотела лишь отрезать масло и порезалась. Клянусь, ничего страшного...

— Больше никаких ножей! — приказал Робин, перевязывая

палец дочери чистым платком. — Вы, — он указал на служанок, — будете следить за ней в оба глаза.

Гвендолин нахмурилась и прошептала Рональду:

— Отец готов весь мир на уши поставить из-за царапины.

Неужели нельзя было просто позвать служанку? Еда — это

их работа. Мы не крестьянки, чтобы самим резать масло.

Рональд толкнул Гвендолин локтем:

— Хватит. Иди занимайся своими уроками.

Гвендолин фыркнула, развернулась и ушла в библиотеку.

Когда дверь за ней закрылась, Рональд подошёл к Рене и присел на корточки:

— Пойдем... Покажу, как управляться с такими штуками.

Рене захлопала глазами:

— Правда? А папа не будет ругаться?..

— Папа не узнает, если ты будешь молчать.

Он вытащил из-за голенища сапога маленький кинжал — острый, с рукояткой из тёмного дерева. Рене ахнула.

— Это мой, — ответил Рональд. — Видишь столб?

Он осторожно провёл кончиком клинка по столбику кровати по дереву, и на нём проступил тонкий завиток.

Рене подпрыгнула от восторга.

— Хочу, хочу, хочу!

Он взял её руку в свою, вложил рукоятку и помог ей вырезать кривую линию.

— Теперь сама, — прошептал он.

И Рене, высунув язык от усердия, вырезала ещё один завиток. Они едва успели спрятать кинжал под подушку, когда в комнату зашла Гвендолин.

— Я слышала, вы тут чем-то гремите, — сказала она.

— Ничем, — ответил Рональд, прикрывая собой Рене. —

Играли в куклы.

Глава 4

Рене сидела в своей комнате, окружённая куклами, и

рассказывала мистеру Рою какую-то длинную историю. Этим днём она вообще не планировала заниматься чем-то серьезным, однако в один момент стало ясно, что тем планам не суждено было сбыться.

Дверь открылась, и вошёл отец. За ним стоял мужчина — худой, бледный, с оспинами на щеках и большими, усталыми глазами. Он был одет в чёрную мантию и держал под мышкой стопку книг.

— Рени, — сказал Робин мягко, — это ваш новый учитель,

мастер Абернети. Он будет учить тебя чтению и письму.

— Не хочу, — сразу надулась девочка. — Зачем?..

— Дочь лорда должна уметь читать и писать, — ответил господин Абернети, — к тому же, это не так скучно.

Рене тяжело вздохнула и села за стол. Она сложила руки на коленях и приготовилась скучать.

Мастер Абернети открыл книгу — толстый фолиант с пожелтевшими страницами — и начал читать. Голос его был монотонным, как жужжание мухи, и через десять минут Рене уже клевала носом, а на одиннадцатой — заметила, что учитель закрыл глаза и захрапел. Громко. С присвистом.

Рене не поверила своему счастью. Она бесшумно, как мышка, выскользнула из-за стола, приоткрыла дверь и пулей вылетела в коридор.

Она бежала по лестнице, хохоча, и выскочила в сад. Там,

под старой ивой, стоял Рональд и что-то чертил палкой на песке. Он обернулся на её топот.

— Ты тоже прогуливаешь? — спросил он, усмехаясь.

— Учитель уснул! — Рене прыгала на месте. — Я так и знала

, что он скучный! Раньше у меня были только танцы, а теперь вот это.

— В танцах ты преуспела, — со смешком ответил Рональд.

— Но не забывай, я тоже неплохо вальсирую.

— Тогда показывай.

— Вообще - то, — юноша уже не сдерживал смеха, — первыми на вальс всегда приглашают кавалеры.

— Ну так приглашай, чего смотришь!

Рональд протянул ей руку.

— Миледи Ренесса, разрешите мне пригласить вас на танец. Вы свободны?

— Я...— запнулась девочка. — Подскажи, что говорить,

шепотом попросила она брата.

— « Я абсолютно свободна», — тихо подсказал ей он.

Они не заметили, как в сад вышла Гвендолин.

Она стояла в тени, скрестив руки на груди, и в её взгляде было что-то острое.

— Рональд, — сказала она, и не неожиданный голос был как удар хлыстом. — Вы опять бездельничаете?

— Тебя забыл спросить, — огрызнулся Рональд. — Иди куда шла.

— Вообще то я пришла сказать, что Рене пора на тихий час,

— холодно возразила Гвендолин.

Рене опустила голову и понуро побрела к калитке.

Глава 5

На следующее утро Рональд вошёл в комнату Рене.

Девочка сидела на кровати, прижимая к груди мистера Роя и разговаривала с ним шёпотом.

— ...а сегодня я ела кашу, и она была невкусная, но я съела,

потому что папа сказал, что надо кушать, чтобы расти...

Голос её дрогнул.

Рональд осторожно подошёл и сел рядом.

— Рене, пойдём завтракать.

— Уйди! — вдруг закричала она, и лицо её сморщилось.

— Я хочу к папе! Я хочу, чтобы он был здесь!

Она разрыдалась так громко, что в комнату вбежали служанки.

— Милая моя, — заговорила одна, поглаживая её по голове

. — Ну что же ты... Твой папа скоро вернётся.

— А мы пока испечём твои любимые булочки, — добавила

вторая. — С мёдом. Помнишь, как ты любишь?

Рене немного успокоилась, и няни увели ее в ванную, умываться.

Рональд остался один в комнате. Он лёг на пол, уставился в лепной потолок и смотрел, как тени играют на белом фоне. Он думал о том, что он не защитил мать. Что не защитил отца. Он уехал совсем недавно, когда началась война. Король умирал, и вполне было ожидаемо что начнётся. Однако он хорошо понимал, что он должен был сделать — больше никогда не подводить сестер. Другого варианта не было, он в доме был единственным мужчиной.

Через час Рене завели обратно. Лицо её было красным, глаза опухли, и она снова начинала плакать. Одна из гувернанток — старая, с острым лицом и цепкими руками — наклонилась к девочке и рывкнула:

— Прекрати сейчас же! Если не перестанешь реветь, я те-

бя

выдеру!

Рональд вскочил. Лицо его побелело, глаза потемнели.

— Вон, — сказал он тихо, и в этом тихом голосе было столько стали, что женщина отшатнулась.

— Но, милорд...

— Я сказал — вон! — заорал он, и голос его разнёсся по комнате.

Лакеи схватили перепуганную гувернантку и вытащили

её.

Рональд выдохнул.

— Выйдите, — тихо сказал он остальным.

Служанки, пряча лица, вышли. Потом он сел на пол рядом с Рене и взял её за руку.

— Послушай, — его голос тут же стал мягким. — Отец тебя

слышит. Где бы он ни был, он слышит тебя. Он всегда тебя слышит. Просто сейчас он не может приехать.

Рене всхлипнула.

— А ты... а ты не уедешь?

— Я никуда не уеду, — пообещал Рональд. — А теперь давай

-ка проверим, что там у нашего мистера Роя в карманах. Кажется, я вижу там письмо от папы!

Он взял зайца и сделал вид, что достаёт из его кармана невидимый свиток. Рене шмыгнула носом, но на её лице проступила слабая улыбка.

— И что там написано?..

— Он тебя очень любит, — улыбнулся юноша.

Глава 5

Рональд проснулся от того, что воздух в комнате стал другим. Он не услышал криков — он услышал тишину. Ту особую, звенящую тишину, которая наступает за

мгновение до того, как мир взрывается. А потом где-то далеко, у городских ворот, раздался вой горна — протяжный, тоскливый, похожий на предсмертный стон раненого зверя.

Он спрыгнул с кровати ещё до того, как его ноги коснулись пола. Свеча на столике дрогнула, и её пламя заметалось, отбрасывая на стены дикие, пляшущие тени. Рональд натянул сапоги, не завязывая шнурков, схватил кинжал, лежавший всегда под подушкой, и вылетел в коридор.

Там уже было светло — слуги бегали с факелами, и их оранжевый свет смешивался с дымом, который начинал просачиваться в замок из города.

Рональд ворвался в комнату Гвендолин, не стуча. Она уже стояла — бледная, как простыня. Руки её дрожали, когда она накидывала дорожный плащ.

— Рени! — сказал он, хватая её за плечо. — Где Рени?

— В своей комнате, — ответила Гвендолин. — Я слыша-

ла,

как она плакала.

Рональд выбежал в детскую и распахнул дверь.

Рене сидела на кровати, прижимая к груди мистера Роя, и её лицо было залито слезами. Она не кричала — она просто сидела и смотрела на брата огромными, перепуганными глазами.

— Что происходит? — прошептала она.

— Всё будет хорошо, — сказал он, подхватывая её на руки.

— Но нам нужно уходить. Сейчас.

В коридоре уже была суматоха. Слуги хватали узлы с пожитками, кто-то волок сундуки, кто-то пытался спасти серебро. Старая Бриджет стояла в дверях кухни, прижимая к груди икону, и что-то бормотала.

Рональд подошёл к главному входу. Внизу, в холле, он увидел десятки испуганных лиц — конюхи, повара, горничные, все они смотрели на него, как на последнюю надежду.

— В лес! — крикнул он, и голос его, неожиданно громкий

и твёрдый, разнёсся под сводами. — Все в лес! Укрыться в чаще!

Они побежали — кто через парадную дверь, кто через чёрный ход. Пламя факелов дрожало, и на стенах, в этом пляшущем свете, портреты предков казались живыми — они кривились, корчились, предупреждали о беде.

Рональд посадил Рене и Гвендолин на лошадь — своего старого гнедого жеребца, который уже дрожал, чувствуя запах дыма и крови. Он сам вскочил в седло, обнял сестёр одной рукой, а другой взял поводья.

— Держитесь! — крикнул он, и лошадь сорвалась с места. Они вылетели из конюшни в ту самую секунду, когда за их спиной рухнули ворота. Рональд не обернулся. Он знал,

что увидит там огонь, который пожирает его дом, его детство, всё, что он знал.

Они скакали через поле, потом через лес, а когда лошадь выдохлась, он спешился и повёл её под уздцы, вглубь леса, туда, где тьма была гуще и где ноги увязали во мху.

Лес встретил их как живой организм. Огромные дубы и буки стояли в несколько обхватов, их корни выступали из земли, как окаменевшие змеи. Луна была в ущербе, и её свет с трудом пробивался сквозь густую листву, оставляя лишь серебряные пятна на мшистой земле. Вокруг плясали светлячки — сотни, тысячи крошечных огонь-

ков,

похожих на осколки разбитой луны. Они кружились в воздухе, как живые звёзды, и в их мерцании было что-то сказочное и жуткое одновременно.

Рене смотрела на них, открыв рот, и на мгновение забыла о страхе. Она протянула руку, пытаясь поймать огонёк, но тот ускользнул, как сон.

— Красиво... — прошептала она.

— Тихо, — Рональд приложил палец к губам. — Мы не одни.

Из темноты действительно доносились звуки — шаги, лязг

, приглушённые голоса. Рональд схватился за кинжал и прикрыл сестёр собой.

Но из кустов вышли не враги.

Ланселот появился первым — его лицо было перепачкано сажей, глаза блестели в темноте. За ним, один за другим, вышли остальные. Кайл О Пен, широкоплечий и мрачный,

— в его руках был топор, на лезвии которого ещё не высохла кровь. Грязный Гарри, весь в грязи и ссадинах, сжимал в руке кривой меч. Оливер Сонлот шёл сзади, его лицо было спокойным, но в глазах пряталась такая глубина, что Рональд вздрогнул. Генри Деннер, улыбочный

и рыжий, в руке держал самодельное копьё. Деффри Дарслот, сутулый и худой, опирался на палку, но его взгляд был цепким, как у ястреба. Уильям Валос, с рыжей бородой и пылающим факелом, освещал путь. И, наконец, Оди Гончий — старый, седой, но жилистый, с луком за плечом и колчаном стрел, который он сжимал так, будто это была его жизнь.

— Рональд! — Ланселот бросился к другу и обнял его, и в этом объятии было столько боли, сколько может выдержать только тот, кто только что потерял всё. — Мы думали, ты не выберешься.

— Выбрался, — Рональд отстранился. Он посмотрел на своих друзей — всех до единого, — и увидел в их глазах то

же, что чувствовал сам: страх, ярость, и глухую, всепоглощающую потребность выжить.

— У всех беды, — сказал тихо Оливер. — У Кайла дом сгорел вместе с матерью. У Деффри убили отца. Грязный Гарри был сиротой, ему терять было нечего — он просто убежал, когда город заняли.

Парни подошли к сёстрам. Гвендолин сидела на лошади, прямая, как свеча, и смотрела на них сверху вниз. Она протянула руку — медленно, величественно, — и Кайл, самый широкоплечий, взял её ладонь и поцеловал, как целуют руку королеве. Остальные поклонились, кто-то снял шапку.

Рене, которая сидела впереди Гвендолин, смотрела на них с любопытством, смешанным со страхом. Все по очереди подошли и низко поклонились.

— Леди, — сказал Ланселот, глядя на Рене, — приятно с вами познакомиться. Очень много о вас наслышан.

— Мы построили лагерь, — сказал Оливер, отводя Рональда в сторону. — В старой крепости в двух милях отсюда.

Рональд посмотрел в ту сторону, куда указывал Оливер, и вдруг понял, что они действительно готовились — запас-

ли

дрова, воду, даже немного еды.

— Но сначала нам нужно пройти через лес, — сказал Кайл,

оглядываясь. — Люди идут. Много людей.

И действительно, из темноты появлялись новые фигуры.

Крестьяне с детьми на руках, женщины в разорванных платьях, старики с узлами за плечами. Кто-то нёс раненого

, кто-то тащил телегу, в которой сидела плачущая девочка. Все они шли в одну сторону — в лес, подальше от огня, от крови, от смерти.

Рональд смотрел на них и чувствовал, как внутри поднимается волна ярости. Он видел их лица: испуганные,

уставшие, без надежды. И он понимал, что они бегут не от трусости — они бегут от отчаяния.

Маленькая девочка, которая шла мимо, споткнулась и упала в грязь. Её мать подхватила её и прижала к груди, и Рональд услышал, как она что-то шепчет — молитву, наверное, или просто утешительные слова. Старая женщина с седыми волосами сидела на пне и раскачивалась вперёд-назад, тихо воя, и её вой был похож на плач всей земли. Молодой парень нёс на плечах брата, у которого была разбита голова, и кровь текла по его лицу, смешиваясь со слезами.

— Пошли, — сказал Рональд тихо, обращаясь к Ланселоту.

— Веди нас в крепость.

Глава 6

Путь был долгим. Лес становился всё темнее, деревья всё старше. Ветви сплетались над головами в плотный шатёр, сквозь который почти не пробивался лунный свет. Где-то ухал филин, и его крик был похож на предупреждение. Ветки хрустели под ногами, и этот звук разносился по ночному лесу, как эхо шагов мертвецов.

Рене дрожала, несмотря на плащ. Рональд укрыл её второй половиной своего плаща и прижал к себе.

Гвендолин шла позади, держась за лошадь, и её лицо было непроницаемо, как каменная маска.

Начал накрапывать дождь — мелкий, холодный, колючий. Он стучал по листьям, по шлемам и щитам парней, по плечам Рональда и по бледному лицу Рене. Вода стекала по её волосам, и она чихала, но не жаловалась.

И вдруг лес расступился. Впереди, на фоне тёмного неба, выросла старая крепость. Это были руины — часть стены обвалилась, поросла мхом и плющом, и казалось, что камень плачет от сырости. Но другая часть сохранилась — крепкая, надёжная, с сохранившимися перекрытиями. Изнутри доносился свет — оранжевый, тёплый, живой. Огонь.

— Мы почти на месте, — сказал Ланселот, и в голосе его слышалась гордость. — Мы оборудовали её, как могли.

Они вошли внутрь, и Рональд ахнул. Внутри было уютно

нары из досок, покрытые соломой и тряпками, очаг,

сложенный из камней, где горел огонь, и даже небольшие запасы — мешки с сухарями, бочонок с водой, связки сухой травы.

— Мы готовились несколько недель, — сказал Оливер, подходя к огню и протягивая к нему руки. — Проходи. Рональд поставил Рене на землю. Она сразу же подбежала к огню и протянула к нему руки, и её лицо осветилось тёплым, янтарным светом. Она больше не дрожала — только смотрела на пламя, как заворожённая. — Я хочу есть, — заявила она вдруг.

— Сейчас, — Рональд взял сухарь и протянул ей. Она взя-

ла его, но не стала есть — просто держала в руке и смотрела на огонь.

К Рональду подошёл Оливер. Он был бледен, даже бледнее обычного.

— Мне нужно тебе кое-что сказать, — прошептал Оливер,

отводя его в сторону, к обвалившейся стене. — Только тебе

Рональд посмотрел на сестёр — Гвендолин сидела у огня, выпрямив спину, и смотрела на пламя пустыми глазами. Рене жевала сухарь и разговаривала с мистером Роем. Он отошёл с Оливером в темноту.

— Что такое?

Оливер вздохнул. Он смотрел в землю, потом поднял глаза на друга, и в этих глазах была такая боль, что Рональд почувствовал, как внутри всё холодеет.

— Я должен тебе сказать, — начал Оливер. — Я не знаю,

где

это случилось — в городе или на поле, — но я знаю, что твой отец... его больше нет.

Рональд не двинулся с места. Он стоял, как вкопанный, и смотрел на друга пустым взглядом. Слова не доходили до него. Они падали в пустоту.

— Ты врешь, — сказал он наконец.

Оливер не сопротивлялся. Он просто смотрел на друга с тихой печалью.

Рональд отпустил его. Он отступил на шаг, потом ещё на один, и вдруг почувствовал, как стена за его спиной становится опорой. Он прислонился к холодному, мокро-

му

камню и закрыл глаза.

В голове его звучал голос отца: «Я постараюсь». «Я постараюсь». Он не обещал, что вернётся. Он только сказал, что постарается.

Рональд открыл глаза. Он больше не был мальчиком. Он был мужчиной, на плечи которого обрушился весь мир. И в этот момент он увидел Рене. Она забралась на высокий стол, который стоял у стены, и сидела на нём, болтая ногами и размахивая мистером Роем.

— Слезь сейчас же! — рывкнул на нее брат, подбегая к ней,

и сгоряча шлёпнул её по ноге.

Рене замерла. Её улыбка исчезла. Она посмотрела на брата с обидой, слёзы навернулись на глаза, но она не заплакала — она просто молча спустилась со стола и отошла в сторону, прижимая к себе мистера Роя.

Вокруг Рональда спали люди. Кто-то храпел, кто-то стоял

во сне, кто-то бормотал имена погибших. Дождь за окном стих, и лес погрузился в тягучую, вязкую тишину.

Рене легла на нары рядом с Гвендолин. Она прижала мистера Роя к груди и закрыла глаза.

— Рональд, — прошептала она, — а папа придёт завтра? Рональд смотрел на огонь. Он не мог ответить ей правду. — Спи, — сказал он тихо.

И он повторял это себе всю ночь, пока догорал костёр и где-то вдалеке, в городе, который больше не был его домом, догорало его прошлое.

Глава 7

К утру бойня не утихала. Из города доносились крики и звон оружия, и эхо этих звуков разносилось по лесу. Запасы кончились быстро. Сухари были съедены, вода в бочонке почти закончилась. Рене сидела на нарах, кутаясь

в плащ, и постоянно просила есть.

— Рональд, я хочу есть, — ныла она.

— Терпи, — отрезал Рональд, но сам чувствовал, как у него

сводит живот от голода.

Он вышел из крепости и увидел на дороге телегу какого-то крестьянина, который наспех собирал своё имущество.

Парень подошёл незаметно, как тень, и, пока мужчина отвлёкся, вытащил из телеги несколько буханок хлеба.

Он знал, что это воровство. Но он знал и то, что сёстры голодны, и что в лесу выживают только те, кто будет есть.

Он вернулся в крепость и отдал хлеб своим парням, чтобы они разделили его на всех. Рене посмотрела на брата.

— А где масло?..

— Рене, у нас нет масла, — тихо ответил ей Ланселот, приобнимая девочку за плечи.

— Я хочу домой! — повторила Рене, топая ногой. — И я хочу

пить!

Рональд устало подпер подбородок ладонью:

— Здесь нет слуг. Хочешь пить — возьми кружку и иди к ручью.

Рене надулась.

— Принеси мне воды!

И тогда Рональд сделал то, чего обещал себе никогда не делать. Он снял с пояса ремень, согнул его вдвое и со

свистом ударил ее.

Наступила тишина.

Рене, всхлипывая, потеряла обожженное ремнем место. Она не стала спорить — вскочила с места и убежала от костра, куда-то в развалины. Ланселот посмотрел на Рональда.

— Это было обязательным? Она же ребенок совсем.

Рональд поднял хмурый взгляд на друга.

— Ничего. Не бери в голову.

Солнце ещё не взошло, но небо на востоке начинало розоветь, подсвечивая верхушки деревьев. Туман стелился по земле, окутывая корни и камни белой дымкой. Где-то пела птица — неуверенно, пробуя голос после ночи. Воздух был чистым, холодным, с запахом прелых листьев и сырой земли.

— Становитесь в круг, — командовал Рональд, и парни расступились, образуя широкую площадку. — Сегодня будем отрабатывать защиту.

Он вышел в центр, сжимая в руке меч — деревянный, но тяжёлый, обмотанный тряпками. Напротив него встал Кайл О Пен с большим, массивным топором.

— Давай, — командовал Рональд.

Кайл бросился вперёд. Топор свистнул в воздухе, целясь в плечо, но Рональд ушёл в сторону, как тень, и деревянный меч со звоном ударил Кайла по рёбрам. Тот охнул, но не остановился — он развернулся и снова атаковал. Рональд

уворачивался, кружился, наносил ответные удары, и каждый раз меч находил цель.

— Медленно! — крикнул он. — Не кружись на одном месте,

парируй! Не давай противнику предугадать твой шаг!

Кайл бросился снова, но на этот раз пошёл хитрее — он сделал ложный выпад, а затем резко ударил снизу вверх. Рональд едва успел блокировать удар, и от столкновения деревянного меча с топором раздался громкий треск. Оба отшатнулись.

— Хорошо! — вздохнул Рональд, и на лице его мелькнула тень улыбки. — Уже лучше. Теперь остальные!

Рене сидела на пне и вертела в руке веточку от дерева. Она никогда не видела тренировок — отец запрещал ей даже приближаться к оружейной.

— Может, попробуешь? — спросил ее Рональд, когда проходил мимо. — Давай к остальным. Только не порежся!

Шум. Слева, со стороны леса, слышался хруст веток.

Рональд мгновенно насторожился — он поднял руку, и все

замерли, сжимая оружие. Из тумана вышли солдаты.

Их было пятеро. Все в кольчугах, с мечами на поясах и с насмешливыми улыбками на лицах.

— А мы думали, в лесу только звери, — усмехнулся солдат с густой черной бородой. — А тут целая банда детей.

Рональд сдвинул брови к переносице.

— Убирайтесь, — сказал он тихо, но в голосе его звенела сталь. — Это наша земля.

Бородатый засмеялся:

— Вы слышали? Он говорит «наша земля».

Он повернулся к остальным.

— Да ничего здесь вашего нет. Один щенок с кучкой оборванцев считает, что способен указывать нам.

Рене уперла руки в бока, с призрением смотря на закованных в латы солдат.

— Не слышали вы, что ли?.. Убирайтесь отсюда! — крикнула она им. — Можно подумать, этот лес и в вашей собственности!

Солдаты переглянулись и расхохотались. Смех был громкий, грубый, с хрипотцой.

— Слышали? — сказал один из них, молодой, с веснушчатым лицом. — А ты смелая... А ты не боишься, что когда нибудь за твой длинный язычок тебя повесят на дереве?

Рональд сжал рукоять меча. Он знал, что переговоров не будет

— Парни, окружайте, — тихо прошептал он друзьям.

Битва была короткой. Кайл с топором снёс одного солдата с ног одним ударом — тот упал и больше не встал.

Грязный Гарри, с кривым мечом, нанёс удар второму, и

тот

закричал от боли, схватившись за плечо. Оливер, всегда молчаливый и тихий, дрался как дьявол — он ушёл от удара, поднырнул под руку и ударил в грудь, отчего солдат захрипел и упал на колени.

Рональд схватил солдата с черной бородой, сбил его с ног, придавил коленом грудь и занёс меч. Он смотрел в его глаза и видел там страх — настоящий, животный страх смерти. И это зрелище наполнило его чем-то тёмным, сладким.

Меч опустился в ту же секунду. Из под него брызнула темная, густая кровь. Голова отделилась от тела с хрустом и глухим стуком, когда она упала на мокрую траву. Тело качнулось и рухнуло в грязь, оставляя на земле тёмное пятно.

Грязный Гарри ухмыльнулся так, что было видно его гнилые зубы и пнул ногой мёртвое тело. Оливер молча вытирал клинок о траву, не глядя на поверженных.

Рене опустилась возле них. Она не кричала. Она просто смотрела на отрубленную голову, которая лежала лицом вверх, и глаза солдата были открыты — пустые, ничего не видящие. Девочка подошла ближе, опустилась на колени в грязь и протянула руку. Она коснулась щеки солдата — она была холодной, влажной, с капельками утренней росы. Рене попыталась приподнять его голову, как делала с мистером Роем, когда он падал с кровати.

— Встань, — сказала она тихо. — Ты должен встать. Тебе

больно, да?..

— Рени, отойди!

Кайл О Пен подбежал к ней и осторожно оттащил её в сторону, подальше от тела. — Никогда не трогай мёртвых!

Рене уставилась на него:

— Мёртвых?

— Тех, кого убили, — сказал Кайл. Он смотрел на неё сверху вниз, и в его глазах мелькнула тень жалости. —

Они

не встают. Никогда. Когда человек умирает, он больше не возвращается. Никогда.

Рене заморгала. Она перевела взгляд с Кайла на тело, потом на брата, который стоял у дерева и смотрел на неё с мрачной решимостью.

— Почему? — спросила она тихо. — Почему он не вернётся?

Папа говорил, что мы все попадаем на небо...

— Отец ошибался, — отрезал Рональд.

Рене почувствовала, как внутри что-то ломается — как стеклянная ваза, которая падает и разбивается вдребезги.

Она закричала.

Крик был пронзительным, детским, отчаянным. Он вырвался из её груди произвольно, урывками, прерываясь на слезы.

Парни замерли. Они смотрели на неё и чувствовали, как в душе поднимается стыд.

— Уберите это, — сказал Рональд тихо.

Оливер и Гарри подошли к телу, подхватили его под руки

и

потащили в лес, подальше от крепости. Рене смотрела им вслед, не двигаясь с места.

Парни выкопали неглубокую могилу в тени старого дуба, бросили туда тело и засыпали землёй. Они не молились — они просто стояли, опустив головы, и ждали, пока земля примет то, что они ей отдали.

Рене стояла в стороне, прижимая к груди мистера Роя, и смотрела на свежий холмик земли. Она не плакала — слёзы кончились. Она просто смотрела и думала.

— Он ушёл к небу? — спросила она у Кайла, который

стоял

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.